

Первые растения начали прорастать, предвещая весну. Тепло стало желанной сменой оцепеневшему холоду. Дурсли пошли и купили Дадли совершенно новый гардероб: за зиму он каким-то образом успел перерасти все свои шорты.

Гарри теперь чаще бывал на улице. Нужно было выдергивать сорняки и ухаживать за цветами. Он продолжал заниматься ручным трудом, озираясь по сторонам и все громче молча. Он отказывался говорить, часто даже не реагируя на шипящие требования Петунии из окна кухни. Он научился кивать после ее слов, чтобы в очередной раз не получить удар метлой.

(Метла сломалась. Тетя Петуния была явно напугана и не предполагала, что на его спине останется такой большой синяк, но не признала своей вины, если она вообще была).

В жаркие месяцы он работал на улице, иногда пил из шланга, когда за ним никто не наблюдал. Он сажал множество цветов и кустарников, купленных Петунией в садовом центре, копал ямки и удалял личинки, когда находил их.

Дадли возвращался домой, небрежно шлепал по кругу, иногда с друзьями, если те его сопровождали, и снова принимался за работу, пока Петуния не накрывала ужин. Затем его отправляли в чулан, изредка позволяя принять быстрый душ. Все повторялось на следующий день, когда Дадли просыпался.

Это была напряженная работа, требующая физических усилий, но зато у него оставалось много времени на размышления.

Гарри знал, что несовершеннолетним волшебникам не разрешалось заниматься магией вне сертифицированного помещения или вне соответствующего поместья. Он точно знал, что ему не разрешается колдовать в присутствии магглов.

Оглядевшись по сторонам, он поджег тошнотворный тюльпан, вспотев от напряжения.

Остаток дня он провёл, осматривая небо и столбы ограды на Прайвет-драйв в поисках верного признака министерской совы.

В тот день никто не появился.

И на следующий день тоже.

Гарри мрачно улыбнулся. Теперь он знал, что может творить магию без ведома Министерства.

В конце февраля он с головой погрузился в изучение единственного старинного фолианта, приобретенного им целую жизнь назад. Он читал, бормотал и практиковался в темноте, когда не мог уснуть или когда его отправляли на улицу на несколько часов одного.

Гарри задыхался, судорожно сжимая руки и что-то шепча себе под нос в середине дня. Муравейники тлели, и мелкие насекомые разбегались. Быстрее всего горели сухие и коричневые листья, оставшиеся с прошлой осени. Все зеленое, как он понял, воняло дурно и давало только много дыма.

Чем больше он практиковался, тем легче ему было поджигать предметы.

Отпереть шкаф, хотя он и не нашел в своей книге заклинания для отпирания вещей, теперь было проще, чем раньше. Несмотря на ужасные условия жизни и ненависть к Дурслям, он теперь был настроен довольно оптимистично.

(У него все еще иногда бывали дни, когда он не решался вылезти из шкафа, а проснувшись, ожидал увидеть Лили и Джеймса. Ему все лучше удавалось просто игнорировать эти мысли.)

Пасхальные каникулы все изменили.

Он стоял на улице, пропалывая сад, в порванной одежде, которая когда-то была его. Теперь на них были пятна, а чары, наложенные на них, уже давно не действовали. Особенно назойливый сорняк заставил его ухватиться за колючий стебель и откинуться назад обеими руками, используя свой вес в качестве рычага.

Что-то задело его бок, и он вскочил на ноги. Он моргнул, ошеломленный и растерянный: что его ударило? Это была белка или птица? Какое-то другое животное, которое ударило его, прежде чем скрыться незамеченным?

Его руки коснулись чего-то мокрого, и он судорожно вдохнул. Красное пятно на коже вызвало непреодолимое ощущение боли.

Он подавил крик, прижав руки к ране на боку через разрыв рубашки. Кровь лениво стекала по его коже и еще больше пачкала рубашку.

Дадли издал какой-то запоздалый возглас удивления. Гарри повернулся, ища нападавшего, и увидел озадаченного кузена и его друзей. Дадли держал в руках промышленную рогатку, которую Петуния купила ему на прошлое Рождество.

Что это было... Его мысли оборвались, когда он увидел то, что в него попало, - приличных размеров камень с несколькими острыми краями.

Дадли медленно моргнул, опустил рогатку и издал пронзительный вопль, от которого Гарри мгновенно стиснул зубы.

Петуния поспешила посмотреть, что происходит, и, разминая руки, бросилась к сыну. Дадли кричал что-то еще, указывая пудовыми пальцами на Гарри, а его друзья убегали.

Лицо Петунии напряглось, когда она резко посмотрела на Гарри. Она топталась по траве, схватила его за руку и потащила в сторону дома. "Идем", - резко крикнула она, глядя ему в бок, - "И никакой крови на полу".

Лицо Гарри дернулось от досады: она же не мыла полы.

Она потащила его в кухню, прихватив тряпку, которой Гарри полировал железные конфорки на плите. Она была уже почерневшей от полироли, но, по ее мнению, ее можно было заменить.

"Вот, - хмыкнула она, доставая из соседних ящичков несколько тряпок похожей формы, пластыри и малярный скотч, - приведите себя в порядок и ничего не трогайте, - глаза ее вспыхнули, - ничего".

Гарри угрюмо взял предложенные принадлежности и закрыл за собой дверь ванной.

Рана была невелика. Она не была глубокой, но, казалось, из нее постоянно сочится красное, как из мокрой губки.

Он засунул туда несколько тряпок, подождал, пока они промокнут, и только потом убрал их. Каждый раз, когда он пытался это сделать, из раны вырывались липкие сгустки, которые

только начинали образовываться, и снова начиналось кровотечение.

В конце концов он нажал на одну тряпку, сжал челюсти, сдерживая пульсацию, и использовал малярный скотч на талии, чтобы удержать ее на месте. Это помогло, он вернул неиспользованные тряпки и отправился в свой шкаф.

"Санатас". прошипел Гарри, сердито покраснев, когда ничего не произошло.

"Санатас!" - повторил он, на этот раз более настойчиво, и голос его дрогнул от разочарования. Сомнения начали пробиваться сквозь его напускную браваду. "Санатас!"

Кожа вокруг уродливого чёрного рубца на боку неприятно зудела и покалывала. Гарри тихо застонал и в раздражении ударил кулаком по маленькой койке рядом с собой.

Что он делал не так? Он делал все в точности так, как написано в книге, даже несколько раз проверил свое произношение, чтобы убедиться. Но царапина никак не хотела заживать, как того хотел Гарри. Вместо этого она просто покалывала и зудела, не давая ему забыть о своей травме. Возможно, постоянный гул боли мешал ему сосредоточиться на магии.

Дадли вернулся в школу, и это было настоящим благословением, учитывая, что в первое время только при определенном повороте струпа трескались и снова начиналось кровотечение. Из раны сочился мерзко пахнущий гной, и тётя Петуния бросила ему маленький тюбик с пастой, приказав разобраться с ней.

Теперь это был толстый тяжелый струп с буграми и гребнями на поверхности.

"Санатас". Гарри попытался снова, сглатывая и пытаясь направить поток чего-то, чего он не мог видеть, в свою сторону.

<http://tl.rulate.ru/book/115750/4561743>